

родине, самопожертвование. После окончания войны «военный» конфликт продолжает оставаться в поле зрения драматургов, но внутри него появляются новые акценты. Вопрос осмысления уроков войны, разные интерпретации этого вопроса создают почву для новых конфликтов и порожденных ими характеров.

Список литературы

1. История русской литературы XX века. Основные имена. – М. : МГУ, 2008. – 576 с.
2. История русской советской литературы (40–70-е годы) : учеб. пос. / под ред. А. И. Метченко, С. М. Петрова. – М. : Просвещение, 1980. 496 с.
3. Литература / под ред. Г. А. Обернихиной. – М. : Академия, 2006. – 656 с.
4. Мамед Т. Азербайджанская национальная драматургия / Т. Мамед. – Тбилиси : Искусство, 2001. – 248 с.
5. Мусаев Б. Азербайджанская литература XX век / Б. Мусаев. – Баку : Мутарджим, 2001. – 272 с.
6. Роговер Е. С. Русская литература XX века / Е. С. Роговер. – СПб. – М. : САГА:ФОРУМ, 2008. – 496 с.
7. *Müasir Azərbaycan ədəbiyyatı. Dərslik, I cild.* – Bakı : Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2007. – 504 с.

References

1. *Istorija russoj literatury XX veka. Osnovnye imena* [History of Russian literature of the XX century. Principal names]. Moscow, MGU publ., 2008, 576 p.
2. *Istorija russoj sovetskoj literatury (40–70-e gody)* [History of Russian Soviet literature (40–70 years)]. Ed. by A.I. Metchenko, S.M. Petrova. Moscow, Prosveshchenie publ., 1980, 496 p.
3. *Literatura* [Literature]. Ed. by G. A. Obernihinoj. Moscow, Akademija publ., 2006, 656 p.
4. Mamed T. *Azerbajdzhanskaja nacional'naja dramaturgija* [The Azerbaijani national dramaturgy]. Tbilisi, Iskusstvo publ., 2001, 248 p.
5. Musaev B. *Azerbajdzhanskaja literatura XX vek* [Azerbaijani literature of XX century]. Baku, Mutardzhim publ., 2001, 272 p.
6. Rogover E. S. *Russkaja literatura XX veka* [Russian literature of XX century]. St. Petersburg – Moscow, SAGA:FORUM publ., 2008, 496 p.
7. *Müasir Azərbaycan ədəbiyyatı. Dərslik, I cild.* [In modern Azerbaijani literature. Tutorial I that]. Baku, Baku State University publ., Voronezh, 2007, 504 p.

АСТРАХАНСКИЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ (К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ ЖАНРА)

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Статья нацелена на выявление регионального своеобразия и общерусских черт поэтики сказок о животных. Актуализируются проблемы структурных модификаций текстов.

Ключевые слова: поэтика жанра, архаические элементы, песенные фрагменты, многозначность образов животных, своеобразие композиции сказок, преобразования в текстах

ASTRAKHAN FOLK ANIMAL TALES
(TO THE PROBLEM OF THE POETICS OF GENRE)

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The article aims to identify regional and all-Russian features of the poetics of folk tales about animals. The problems of structural modifications of texts are to be discussed.

Keywords: the poetics of the genre, archaic elements, song fragments, the ambiguity of animal's images, the specificity of the composition of the tales, transformations in the texts

Русские сказки о животных имеют солидную историю изучения и в то же время являются одним из наименее исследованных жанров фольклорной прозы. По сравнению с другими сказочными жанрами астраханской, как и общерусской традиции, они немногочисленны, составляя десятую часть репертуара всех народных сказок. В статье анализируются сказки о животных, опубликованные в сборнике «Народные сказки Нижней Волги» [1, с. 34–49], и отдельные тексты из сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки» [2, с. 39–40 и др.], записанные в середине XIX в. в Астраханской губернии.

Данный жанр – это сказки о животных и о людях, однако главным объектом повествования и его центральными персонажами являются именно животные, а не человек (он занимает ключевые позиции в волшебных, легендарных и бытовых сказках). Дикие звери и домашние животные, другие представители фауны показаны во взаимоотношениях друг с другом и с человеком. В сказках о животных сохранились древние представления о зависимости жизни человека от мира животных, о неизбежности контактов между людьми и лесными (степными и полевыми) обитателями.

В современных исследованиях опровергается до сих пор бытующее, но явно устаревшее мнение об аллегоризме как ведущем принципе создания образов животных в этих сказках. Анализ астраханских сказок подтверждает вывод В.А. Бахтиной о том, что видеть в сказке о животных «только социальный аллегоризм – значит непростительно сужать и перетолковывать её значение» [3, с. 91]. Абстрактный аллегоризм, присущий образам животных в басне и в других жанрах литературной традиции, противоречит многогранности характеристик сказочных персонажей-животных.

Нельзя не обратить внимания на полисемантизм образов главных героев сказок о животных, типичных для разных локальных традиций. В частности, лиса русской сказки обычно предстаёт обманщицей и притворщицей. Она расчётлива и коварна, лстлива и властолюбива. Однако корыстолюбие, ловкость и хитрость лисы уживаются в сказках с её недалёковидностью. Например, она отдаёт собакам на съедение свой хвост, засовывает голову в кувшин и тонет вместе с ним и под. Лиса крадёт припасы (мёд, масло, сметану) у медведя либо волка, приютивших «кумушку» в своём доме, но при этом старается выглядеть преданным другом. В астраханской сказке из сборника А.Н. Афанасьева «Овца, лиса и волк» (СУС 44*) [4] лиса проявляет находчивость и мужество: она дружит с овцой и спасает её от волка [2, с. 40]. В сказке «Старая хлеб-соль забывается» (СУС 155) лиса – это единственный персонаж, кто поступает благородно [2, с. 39–40]. По собственной инициативе (и бескорыстно!) она пытается помочь человеку в беде. Лиса заставляет волка ещё раз влезть в мешок мужика, защитившего волка от охотников.

Образ волка тоже не однопланов. Он, безусловно, не соответствует реальному лесному и степному зверю, матёрому хищнику, каким является волк

в природном мире. Между тем в отдельных эпизодах сказок волк проявляет кровожадность: намеревается съесть спасшего его от смерти мужика в сказке «Старая хлеб-соль забывается», пытается разорвать козу / овцу, съесть старика в сказке «Старик и волк». В то же время в большинстве сюжетов сказочного эпоса волк одурачен лисой. Он то и дело попадает впросак во взаимоотношениях с другими персонажами, так как в сказках о животных волк часто изображён крайне глупым, тупым и трусливым.

В оригинальной астраханской сказке «Старик и волк» (нет прямых соответствий в СУС) [1, с. 35–37] он покоряется перехитрившему его человеку. Однако в отдельные моменты развития данной сюжетной линии волк осознаёт своё физическое превосходство над людьми. Тем не менее хитрость и бесстрашие старика в очередной раз преодолевают грубую силу одураченного хищника. В других сюжетах он показан верным товарищем по отношению к лисе и преданным другом собаки, которую спасает от голодной смерти.

В немногочисленных сказках о животных Астраханского края отобразён особый мир древних мифологических представлений, что вводит этот архаичный материал в большое русло славянской и мировой традиции животного эпоса. Не подлежит сомнению древность происхождения сказки «Медведь на липовой ноге» (СУС 161* А). Это классический сюжет русского животного эпоса, в котором исследователи усматривают связь с тотемизмом. Как пишет В.П. Аникин, старик в этой сказке нарушил «одно из важнейших условий сосуществования тотема и человеческого рода – причинил беду своему покровителю» [5, с. 48].

Архаическая основа данной сказки сохранилась в обеих современных астраханских сюжетных версиях, опубликованных в сборнике «Народные сказки Нижней Волги» [1, с. 37–38]. Возможно, более отчетливо и последовательно она проявляется в тексте «Медведь и старуха», где медведь съедает старуху. Это произведение интересно также тем, что в нем *два*, а не *три*, действующих лица: *медведь* и *старуха*, которая нечаянно отрезает медвежье ухо, перепутав его с целебной *травой-бендерюхой*. В сказке «Медведь и старуха» отсутствует образ старика-охотника.

Обращает на себя внимание композиционно-ритмическое строение сказки. Она исполнялась *речитативом* вся целиком, а не только ее песенные фрагменты. Помимо традиционной песенки медведя «*И все люди при домах спят*», здесь имеет место развернутый диалог *старухи-обидчицы* и *хозяина леса*. В ответных репликах перепуганной старухи, в их лексических и синтаксических повторах звучит интонация подобострастия, проступает чувство страха и сознание неотвратимости наказания. Столь заметные элементы психологизма, вероятнее всего, проявились в структуре текста намного позже, чем оформился основной сюжетный конфликт между человеком и животным.

Данная астраханская сказка полистадиальна: в её структуре архаические сюжетные мотивы соединяются с новообразованиями. примечательна сюжетная зарисовка: «*Медведь идет, идет по темному лесу. Подходит к темной избушке, открывает скрипучу дверь. Заходит в горницу*» [1, с. 38]. В лексическом и в интонационном плане она перекликается с поэтикой современных детских страшилок. В то же время и в современных вариантах данного сюжетного типа (СУС 161*А) сохранились черты глубокой архаики.

Астраханская сказка «Медведь на липовой ноге» напоминает о запретах причинять вред тотемному зверю, употреблять в пищу его мясо. О древних истоках сюжета свидетельствуют также песенные компоненты текста. Песенка медведя – это важный признак архаической структуры произведения, указание на несомненную связь сказки с мифом. В сказке «Медведь на липовой ноге» песенные вставки имеют сюжетообразующее значение, ощутив их прежний магический смысл. Архаичен и важен в структуре произведения мотив голода, понуждающий человека охотиться на медведя.

Художественное пространство животной сказки всегда имеет приметы той местности, где она бытует, ему присущ национальный колорит. Как отмечает Э.В. Померанцева, сказки о животных рисуют особый мир, чисто русские картины: «русские морозы и снега, избы, сани» [6, с. 77]. Особые приметы природы Астраханского края конкретизированы, например, в сказке «Коза и зайчик» (СУС 212) [1, с. 41–42]. На предложение зайца строить избушку для зимовья коза возражает: «Нет, жарко еще». Однако в следующей фразе текста сообщается о внезапном наступлении холодов: «Зима наступила» [1, с. 41]. Эта мини-цитата, возможно, не вполне понятна, если не учитывать природных условий Нижней Волги. Континентальный климат отличается здесь продолжительной жарой, которая кажется бесконечной, и резкими сезонными переходами от лета к зиме и наоборот.

Обращает на себя внимание жизненная и в то же время мифологическая основа гиперболизированного образа комара в сказках «Комарушко» и «Про комарика» (нет соответствий в СУС) [1, с. 48–49]. В них обнаруживаются аналогии с мифологической прозой о лесных духах, хозяевах природных стихий. Выявляется типологическое сходство с ситуацией сказочной «Тысячи и одной ночи». В ответ на угрозы комара заночевавшие в лесу дети всю ночь рассказывают сказки. «А Комарушко после каждой сказки делает два шага вперед. Они долго рассказывали сказки, до тех пор пока солнце стало выходить и Комарушко погрузился (в болото. – Л.И.). А они схватили корзиночки – и бежать!» [1, с. 48].

Следует отметить, что многие сказители дорожат пейзажными зарисовками, органично вводят их в повествование. В сказке «Про комарика» описание незаметно для детей наступившего вечера является одним из ключевых элементов завязки. «А вечер поздний настал, солнце за лесок ушло, птицы смолкли» [1, с. 48]. На юге России темнота внезапно сменяет летний день, поэтому детям пришлось ночевать в лесу («на болоте», «у речки»). Данный вечерний пейзаж, картина ночной тишины контрастны шорохам, бульканью воды, страху разбуженных шумом детей и появлению комара с угрозой: «Сейчас я вас съем!» [1, с. 49].

Образы из мира природы имеют здесь структурообразующее значение. Они используются для оформления сюжетного конфликта. Дети «только уснули – шум. Вода под лопухами буртыхается, булькатит: бур! бур! Когда проснулись – стоит Комарушко с горбатой палкой: “А! Вот когда вы мне попались, Танечка и Ванечка! Сейчас я вас скушаю!”» [1, с. 48] Не случайно героями данных сказок являются дети. Уже давно отмечено, что этот жанр стал достоянием детской аудитории, что отразилось на особенностях поэтики.

Сказки, адресованные малышам, ненавязчиво дают советы и предостережения. Они поучают весело и остроумно. Когда сказка о животных обращается к ребёнку с запретами или наставлениями, она учит и воспитывает, одновременно развлекает и забавляет. Иногда концовка известного сюжета приобретает видоизменённый назидательный характер. В частности, кумулятивная цепочка астраханской сказки «Кочеток и курушенька» (СУС 2021В; *Петушок вышиб курочке глаз орешком*) завершается понятным ребёнку наставлением: «Не плачь, курушенька, не плачь, кочеток, не дадим вас в обиду! Бегите домой и сидите мирно! Не ходите в лес одни гулять!» [1, с. 43].

Сказки с песенными вставками тоже привлекают детей. Песенки колобка, петушка и других персонажей сказок о животных играют словом, интонацией, драматизируют повествование [7, с. 104–121]. Необходимо, однако, учитывать древнее происхождение сюжетов с песенными и речитативными фрагментами. Они свидетельствуют об архаических истоках данной композиции текстов, напоминают о вере человека в действенность звучащего слова. Вместе с тем в современной сказке о животных песенные компоненты архаической сказки и мифа «превратились в орнаментальное украшение. Поэтому песенка играет словом, она занимательна и забавна, и сказки с песенными вставками принадлежат преимущественно детской аудитории» [8, с. 101].

Исследователи животного эпоса убедительно показали, как установка на детскую аудиторию влияет на композицию текста. Наблюдается упрощение сюжетной линии, сокращение повествовательной части. В то же время усиливается динамизм сказки, возрастает роль речевых элементов, монологов и диалогов. Проанализировав сказки, записанные в Поволжье в 60-70-х гг. XX в., В.Н. Морохин отметил «стремление сказочников несколько смягчить острый конфликт того или иного сюжета» [9, с. 38].

Автор выявил исчезновение из репертуара сказителей некогда популярных, повсеместно распространённых сюжетов. К ним относится сказка «Старая хлеб-соль забывается» (СУС 155), действительно, мало доступная для детского восприятия и понимания. Астраханский вариант этой всемирно известной сказки отличается цельностью и полнотой сюжетной линии, композиционной завершенностью. Спасшему волка человеку грозит гибель от зверя. Мужик избегает смерти благодаря лисе, в данном сюжете и находчивой, и отзывчивой на чужую беду.

В этой сказке все персонажи подвергаются испытанию, но не каждый его выдерживает. Осуждение центрального персонажа в вариантах данного сюжетного типа, равно как и его антагониста-волка, подспудно, имплицитно, но постоянно присутствует в текстах. В финале человек нечаянно убивает лису-спасительницу. При этом он цинично реагирует на свою оплошность, повторяя слова неблагодарного волка: «*Старая хлеб-соль забывается*» [2, с. 40]. Эта поговорка является структурным элементом текста, имеющим ключевое сюжетообразующее значение.

Согласно народной аксиологии, нравственное чувство человека не приемлет коварства и жестокости. Видимо, и по этой причине, наряду с указанной В.Н. Морохиным, в XX в. была предана забвению сказка про «старую хлеб-соль», наполненная «мрачноватой иронией» (Е.А. Костюхин) и глубоким содержанием. Таким образом, поэтический строй сказок о животных подвергается в процессе исторической жизни жанра смысловым и структурным преобразованиям. Существенные изменения происходят в сюжетном составе исполняемых сказок, в репертуаре отдельных сказителей.

Вместе с тем в сказках Нижней Волги, записанных нами в конце XX в., наряду с модификациями, выявляются традиционные черты поэтики, идущие из глубокой древности. По-прежнему в большинстве сказок о животных ключевую сюжетно-композиционную функцию выполняют мотивы **встречи** персонажей, чаще всего непредвиденной, и **состязания** в ловкости, находчивости, хитрости и т.д. Сказка сохраняет органически присущие ей композиционные принципы кумулятивности и контаминации. Она не утратила выработанную веками систему повторов и параллелизмов. Наиболее продуктивны в сказках о животных повторы однотипного действия и разрешающей возможности последнего мотива [10, с. 74–156]. Сюжетообразующее значение имеет приём контрастного параллелизма – по принципу зеркальной симметрии.

Способы построения сюжета по действиям персонажей многообразны, однако наиболее часто встречается «притворство» действующих лиц. Лиса притворяется то «дохлой», то избитой, то недоумевающей, как волк смог поместиться в мешке. Сытая коза притворяется голодной; старик притворяется более сильным, чем волк («Старик и волк»); старый кот-обманщик – добрым наставником мышей («Мыши и кот-обманщик»). Используются мотивы неудачного подражания (волк пытается ловить рыбу хвостом) и неузнанного противника. Сюжеты нередко строятся на приёмах коварного совета, неожиданного испуга и мнимого устрашения.

Итак, астраханские материалы вписываются в общерусскую сказочную традицию как её необходимая и важная составная часть. В сказках о животных создаётся своеобразная картина мира. Они по-своему трансформируют реальность. Сказочная установка на вымысел, на неправдоподобие в изображении действительности составляет неразрывное целое с жизненным содержанием и философским смыслом текстов. Сказка о животных далека от

абстрактного аллегоризма. Образы животных – это не маски, «за которыми скрываются разные типы людей, а персонажи, не теряющие животного облика, но поступающие по человеческому обыкновению» [11, с. 123].

Сказки о животных Астраханского края отражают присущее жанру разнообразие сюжетов, композиционных приемов и принципов построения текста, ярко выраженное драматургическое начало, богатство языка и стиля. Одномотивные сказки редки. Сказки о животных изобилуют троекратными и другими повторами. Разные сюжеты и эпизоды объединяются в художественное целое по принципу контаминации. Животные сказки отличаются многообразием юмора.

Несмотря на неизбежную сказочную условность, образам диких и домашних животных свойственна полнокровность, их характерам – многоплановость и полифункциональность, обусловленные происхождением и многовековой исторической жизнью жанра. В системе персонажей и в сюжетах этих сказок нашли отражение мифологические представления и архаические структурные элементы. Выявляются процессы преобразований текстов, органически присущие народной сказке. Оригинальные компоненты композиции сказок Нижней Волги, их региональное своеобразие, равно как и устойчивые черты поэтики жанра, дополняют и подтверждают смысловое и художественное богатство животного эпоса.

Список литературы

1. Народные сказки Нижней Волги / ред., подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. Л. Л. Ивашнёвой. – Астрахань : АГПУ, 1999. – 221 с.
2. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1984. – Т. 1. – 511 с.
3. Бахтина В. А. Русская сказка о животных и аллегория / В. А. Бахтина // Современные проблемы фольклора : сб. ст. ; под ред. проф. В. В. Гура. – Вологда : [б. и.], 1971.
4. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л. : Наука, 1979. – 437 с. – (СУС).
5. Аникин В. П. Русская народная сказка / В. П. Аникин. – М. : Просвещение, 1977. – 208 с.
6. Померанцева Э. В. Русская народная сказка / Э. В. Померанцева. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 128 с.
7. Никифоров А. И. Сказка и сказочник / А. И. Никифоров ; сост., вступит. ст. Е. А. Костюхина. – М. : ОГИ, 2008. – 376 с.
8. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса / Е. А. Костюхин. – М. : Наука, 1987. – 269 с.
9. Морохин В. Н. Русская народная сказка в современном бытовании / В. Н. Морохин. – Горький : ГГУ, 1975. – 76 с.
10. Крук И. И. Восточнославянские сказки о животных: Образы. Композиция / И. И. Крук. – Минск : Наука и техника, 1989. – 158 с.
11. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору / Е. А. Костюхин. – М. : Дрофа, 2004. – 333 с.

References

1. *Narodnye skazki Nizhnej Volgi* [Folk tales of the Lower Volga]. Ed. by L.L. Ivashneva. Astrakhan, AGPU publ., 1999, 221 p.
2. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: in 3 vol.* [Russian folk tales A.N. Afanas: in 3 vol.]. Ed. by L.G. Barag, N.V. Novikov. Moscow, Nauka publ., 1984, vol. 1, 511 p.
3. Bahtina V. A. *Russkaja skazka o zhivotnyh i allegorija* [A Russian tale about animals and allegory]. *Sovremennye problemy fol'klora* [Contemporary problems of folklore]. Ed. by V.V. Gura. Vologda, 1971.

4. Barag L. G., Berezovskij I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. *Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov: Vostochnoslavjanskaja skazka* [Comparative index of plots: East Slavic tale]. Leningrad, Nauka publ., 1979, 437 p.
5. Anikin V. P. *Russkaja narodnaja skazka* [Russian folk tale]. Moscow, Prosvetshhenie publ., 1977, 208 p.
6. Pomeranceva Je. V. *Russkaja narodnaja skazka* [Russian folk tale]. Moscow, Izd-vo AN SSSR publ., 1963, 128 p.
7. Nikiforov A. I. *Skazka i skazochnik* [The tale and the storyteller]. Ed. by E. A. Kostjuhina. Moscow, OGI publ., 2008, 376 p.
8. Kostjuhina E. A. *Tipy i formy zhivotnogo jeposa* [Types and forms of animal epic]. Moscow, Nauka publ., 1987, 269 p.
9. Morohin V. N. *Russkaja narodnaja skazka v sovremennom bytovanii* [Russian folk tale in modern existence]. Gorky, GGU publ., 1975, 76 p.
10. Kruk I. I. *Vostochnoslavjanskije skazki o zhivotnyh: Obrazy. Kompozicija* [East Slavic tales about animals: Images. Composition]. Minsk, Nauka i tehnika publ., 1989, 158 p.
11. Kostjuhina E. A. *Lekcii po russkomu fol'kloru* [Lectures on Russian folklore]. Moscow, Drofa publ., 2004, 333 p.

**КОНЦЕПТ «НЕНАВИСТЬ»
КАК ДОМИНАНТА ПОВЕДЕНИЯ ИВАНА КАРАМАЗОВА
(по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)**

Курдюкова Анастасия Александровна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: quenk@mail.ru.

В данной статье осуществлена попытка рассмотрения концепта «ненависть» в речевом и невербальном поведении Ивана Карамазова. В работе мы пользуемся схемой анализа эмоционального концепта, предложенной Я.А. Волковой. Мы проанализировали словарные дефиниции, рассмотрели концептуальные метонимии, относящиеся к внутренним физиологическим реакциям и произвольным поведенческим реакциям, что позволило нам понять настроение и мотивацию Ивана Карамазова. Нами установлено, что в комплексе чувств «ненависть» и мотивации персонажа доминирует отвращение, что влияет в свою очередь на поведение. Главным объектом ненависти Ивана является он сам, что приводит его к болезни. Концептуализируется ненависть в сознании героя посредством трех аспектов, обуславливающих его настроение: эмоционального, когнитивного и бессознательного. Автор точнее описывает речевое поведение Ивана Карамазова, что соответствует представлению о персонаже как о «философе-метафизике».

Ключевые слова: поведение персонажа, речевое поведение, невербальное поведение, концепт, речевая доминанта

**THE CONCEPT "HATE"
AS A DOMINANT OF IVAN KARMAZOV'S BEHAVIOUR
(F. Dostoyevsky's novel "The Brothers Karamazov")**

Kurdyukova Anastasiya A., Postgraduate Student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: quenk@mail.ru.

An attempt to review the concept "hate" in verbal and nonverbal Ivan Karamazov's behavior has been implemented in this article. In this paper, we use the scheme of analysis of emotional concept proposed by J.A. Volkova. We have analyzed the dictionary definition, considered conceptual metonymy, referring to the internal physiological reactions and involuntary behavioral reactions, which allowed us to understand the mood and motivation of Ivan Karamazov. We have found that